

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О
Ч
И
Щ
Е
Н
И
К
В
И
З
И
Т
О
Р
А
Е

НИК ХЭММЕР

Ник Хэммер

Очищение инквизитора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54129781

SelfPub; 2020

Аннотация

Пламя танцевало вокруг её обнажённого тела, словно хищник, играющий со своей жертвой. Он изредка покусывал бёдра, ступни, иногда подбираясь выше – к животу и груди, которая тряслась в разные стороны, вторя попыткам бедняжки распутать верёвки на руках... Содержит нецензурную брань.

Слово от автора

Настоящим автор уведомляет, что события, персонажи, а также присущие им особенности мировоззрения и религиозные взгляды полностью вымышлены и используются сугубо в художественных целях текста. Любые совпадения с реальностью являются случайными. Автор не разделяет точки зрения ни одного из персонажей, включая рассказчика, а также не призывает читателя делать это.

Лица, которые желают оскорбиться используемым в данном тексте приёмам, сравнениям или попробуют провести параллели с реальностью – пусть останутся лицами, которые не станут читать произведение дальше этой строки.

Если же вы понимаете, что художественный текст – это в первую очередь результат свободы мысли и творчества, не претендующего на какие-то перипетии с реальностью, то...

Приятного чтения!

Девушка кричала.

Она ещё могла кричать, хотя в её тонком голосе уже появились нотки отчаяния. Хрипота по кусочку съедала ту звонкость и яркость, что присуща связкам молодых и красивых, а психика семимильными шагами двигалась к пропасти. Яма, на дне которой в тумане безумия и боли можно было разглядеть неотвратимое, была всё ближе.

Пламя танцевало вокруг её обнажённого тела, словно хищник, играющий со своей жертвой. Он изредка покусывал

бёдра, ступни, иногда подбираясь повыше – к животу и груди, которая тряслась в разные стороны, вторя попыткам бедняжки распутать верёвки на руках. Но всё это было тщетно. Судьба её была предрешена до того, как она сделала первый шаг на помост, до того, как сегодня утром, будучи на свободе, готовила завтрак. Её будущее было буквально приговорено вчера вечером, когда при свете свечей группа людей в чёрных одеяниях быстро посовещавшись единодушно выкрикнула страшное: «Ведьма!». А после, уже не так яростно, словно боясь, что даже звуки могут обжечь их языки, заговорщически прошептали: «Сжечь».

Сквозь жёлто-красно-оранжевый хоровод языков огромного костра можно было заметить, как белёсая нежная кожа, которой, возможно, ещё никто никогда не касался так жарко и горячо, обугливается. Крики становились всё тише, глаза, в которых до этого можно было разглядеть невероятный страх лопнули и вытекли, волосы, которые были ярче самого пламени, опалились. Девушка замолкла, а затем, в последней попытке, собрав всё то, что можно было назвать остатками жизни, дёрнулась ещё раз. У неё получилось – её обожжённые руки прошли сквозь узлы верёвки, оставляя на ней запёкшуюся кожу и куски плоти. Тело повалилось вперёд, в костёр, который ответил такому объятию роем искр, поднимающимся на миг в воздух.

Люди вокруг молча молились, крестясь каждый раз, когда в их душе зарождалась попытка посочувствовать, пожалеть

или даже просто подумать о чём-то кроме кары небесной, которую судьи этого города по воле Божьей ниспослали на молодое рыжее дитя, до этого продававшее им травы и коренья от разных болезней. Даже дети, которых родители привели сюда, как на урок, как на пример безбожности, которую истинная вера истребит, перестали непослушничать и кричать. По их щекам текли слёзы. Молчаливые слёзы, несмевшие стать чем-то большим, например, плачем или рёвом, потому что где-то там, возможно, в том самом тёмном окне замка за ними наблюдал он – главный инквизитор.

Неожиданно толпа зашевелилась. В глубине сплетений глаз и ртов безучастной массы послышались крики. Это были солдаты. Восемь человек, три по бокам и по одному спереди и сзади – ромбовидным построением они аккуратно расталкивали зевак, прикрикивая: «В сторону!» или «Назад!». Поблёскивая пластинчатыми доспехами и остриями копий, солдаты продвигались вперёд, к костру, скрывая кого-то за стеной ростовых широких щитов, на которых чёрной краской были нарисованы кресты. Остановившись чуть поодаль от места, где недавно полыхало теперь уже заметно поскромневшее пламя, воины замерли.

Люди в толпе тихо бормотали, а самые любопытные вытягивали шеи, надеясь увидеть того, кто скрывается за щитами.

«Кто это?», «Ты видел?», «А если...», – повторяли мужчины и женщины, надеясь, что за «если» скрывается не кто-то слишком безжалостный и уж тем более не инквизитор,

оцепенение перед которым был простительно даже самым смелым гражданам Шербейла.

Своей жестокостью эта личность была известна не только в округе. Слава истинного ведьмоборца неслась на крыльях, сотканых из сотен и тысяч душ несчастных, кто потерял веру или, как он выражался: «Встал на сторону дьявола». Пролетела она не только по Европе, но и среди скандинавов, мусульманских народов и даже далёких славянских земель.

Многие слышали историю о купце из Африки. Тот привёз в Шербейл расслабляющие масла. Поговаривают, что у инквизитора от этих веществ кожа пошла волдырями. Он обвинил беднягу торгаша в колдовстве против церкви и сварил в тех же маслах заживо.

Боязнь попасть к нему под следствие была так высока, что в народе пошли слухи и легенды. Одна из самых распространённых связана с его именем, она же и самая простая: поговаривают, что инквизитор приходил через семь дней и забирал в подземелья святого ордена тех, кто называл его имя вслух перед другими людьми. Слухи слухами, но разве кто-то захочет в здравом уме проверять это?

– В линию!

Солдаты мигом выстроились за человеком, отдавшим приказ.

По толпе прошла волна шепотков: «Он! Это он! Боже, сохрани мою душу...».

Инквизитор был высокого роста, широк в плечах и худ.

Тёмный плащ неестественно покрывал его тело и отмечал все впадины и угловатости туловища, словно висел на костях голого скелета. Чёрная козлиная борода, местами разбавленная седыми волосками, образующими крестовый узор – божий знак, как говорили многие. Скулы острые, как лезвия гильотины, нос – вороний, хищный, а глаза... Самым странным, пугающим и в то же время завораживающим в нём были глаза: один полностью белый, а второй обычный, карий.

– Что у него с глазом? – тихо спросила девочка из передних рядов у своей мамы.

– С моим глазом? А что с ним? – инквизитор услышал вопрос и выразительно посмотрел на мать ребёнка, – Расскажите ей? Или это сделать мне?

Мать задрожала и прижала к себе дитя.

– Конечно, господин, – прошептала она.

– Громче! – инквизитор в три шага пересёк пространство между ним и толпой и посмотрел женщине в глаза, – Я жду!

– Это. Это дар божий. Так говорят.

– Что же ещё говорят?

– Ещё?

– Да!

– Ещё говорят, что глаз ваш, как перста Его, указывает вашему превосходительству, в ком сидит дьявол, в ком зарождается зло, противное Создателю, – женщина запинаясь, заикалась, но всё же смогла закончить фразу.

– Это ноша, не дар – предназначение, что я несу, как Гос-

подь наш нёс крест свой через все мучения и лишения. Моё сердце обливается кровью, когда я вижу, как души многих из вас терзаются тёмными силами, как вы поддаётесь ведьминным уловкам, попадаясь в дьявольский капкан и предавая Его.

Голос инквизитора был полной противоположностью внешности. Бархатистый, с лёгкой хрипотцой, даже в крике он был приятен уху. Он говорил чётко, но не тараторил, а мелодично переходил от слова к слову, проникновенно донося слово Божие и до ближайших, и до самых дальних рядов.

Судья отвернулся от женщины и подошёл к солдатам. Несколько секунд он молча смотрел на догорающий костёр.

– Жители Шербейла! – сказал он так громко, как мог, – Уже не первый год я служу Богу в его борьбе с еретиками. Сотни! Тысячи ведьм и колдунов были разоблачены и очищены в Священном огне. Сегодня ещё одна приспешница прошла через очищение! Она очаровала, обманула, опоила вас и ваших детей отравой – в её хижине было найдено великое множество запретных трав и приспособлений для зельеварения. В ходе допроса она сразу созналась в своих деяниях. Но это не всё!

Инквизитор махнул кому-то рукой. Послышались басистые крики. Со всех сторон площадь окружили солдаты. Они перекрыли все проходы и проулки так, чтобы никто не смог улизнуть.

– Методы наши становятся всё более точными, – продол-

жал он, – И сегодня вступает в силу новый указ, одобренный самим Папой! Он гласит, что все женщины и мужчины, имеющие огненный цвет волос, а также другие внешние признаки, присущие ведьмам и колдунам – все они подозреваются в причастности к сатане! Вы сами станете свидетелями дерзости и злобы, переполняющей гниющие души этих отродий. Я вижу их, я знаю, что они здесь, что они наблюдают. Так покажем им милость Господню. Стража, организуйте очередь по одному человеку! Приступим!

Люди отпрянули от костра и стали жаться друг к другу и к стенам домов, обрамлявших округлую площадь. Кое-кто решался схватить солдат за щит или протолкнуться между ними, но тут же отлетал назад, получив сильный удар.

– Ну же! Кого вам бояться, если ваша совесть чиста? От кого вы так шарахаетесь, если на Божьем суде вам не в чем признаваться? – инквизитор пошёл к толпе. Стражники двинулись за ним, но он остановил их жестом руки, – Подойди ко мне, девочка, ты же хотела узнать, что с моим глазам, вот, посмотри на него поближе.

Мать девочки прижала своё дитя ещё сильнее, но инквизитор буквально вырвал его из рук. Он внимательно осмотрел её волосы, руки и ноги, повертел её, словно куклу, а затем нелепо кинул обратно в руки матери. Девочка дрожала, но не издала ни одного звука.

– Вот видишь. Всё в порядке. А теперь вы! – он указал на мать девочки.

Прошло несколько часов. Те, кто не вызывал подозрений судьи, уходили с площади через сформированный солдатами коридор. Однако, были и те, кому повезло меньше. Два мужчины с рыжим цветом волос, одна старушка с огромным горбом и обнаруженными при ней высушенными цветами вербены. Ещё было несколько женщин, среди них и мать девочки, которую инквизитор осмотрел первой. «В вас слишком много страха, – сказал он ей, – Возможно, вам есть чего бояться».

Всех этих людей тщательно допросили, а затем отправили в противоположную сторону – туда, где над домами высился замок, в подвалах которого и творился суд святой инквизиции.

Один за одним люди продолжали подходить к инквизитору. До этого все они были похожи в скрываемом сочувствии, сейчас же разительно отличались в том, как страх брал верх над их разумом и телом. У некоторых из них пропадал голос. У других подкашивались ноги или случался обморок. Всё это могло вызвать подозрение, но сдерживаться не было сил.

К сожалению, людская натура порой подобна волчьей стае, в которой слабых ни во что не ставят. Чтобы не загрызли тебя – накинься на хилую особь, покажи всем, что её можно обидеть, унижить, убить вместо себя. И не заботься о том, что в другой раз на её месте можешь быть ты. Главное, что сейчас ты будешь жив, человек. Ведь так?

Вопросом этим никто не задавался. Нужна была лишь искра. И когда её заметили, то в толпе разгорелся фитиль. Он начался где-то поодаль, в конце площади, и постепенно, шипя, шкварча и потрескивая, добирался до центра, где стоял инквизитор. Сначала слов было не разобрать, но затем всё чаще можно было услышать: «Ведьма!», «Она наслала на нас гнев Божий!», «Сжечь её!».

Никакого сочувствия или сострадания в душах и умах этой человеческой массы не осталось. Разжечь костёр так ярко, чтобы утолить голод святого суда, чтобы успокоить этого поборника чистоты – единственное, о чём они если не думали, то явно чувствовали и хотели на интуитивном уровне. На уровне инстинкта самосохранения.

К инквизитору протолкали девушку. На её лице, руках и ногах были ссадины – так яро люди хотели, чтобы её поскорее увидел этот человек, что не чурались царапать, пинать и бить, пока она, хрупкая и миниатюрная, проваливалась сквозь руки и ноги своих соседей, друзей и просто сограждан.

Он медленно подошёл к девушке.

Её волосы были не просто рыжими, они без стыда пылали пошлым красным цветом, заставляя каждого лишней раз перекреститься и опустить взгляд. Если же кто-то осмеливался смотреть на неё дольше, то тут же его пронизывали холодом два моря, два озера, наполненных чистейшей синей водой, покоившихся на её лице. Инквизитор долго пытался разгля-

деть в её взгляде что-то знакомое, то, что он видел в тысячах глаз до этого – страх. Безмерное жестокое чувство, парализующее все остальные эмоции и желания человека, превращая его в то низшее, в то податливое и покорное, что больше походило на тварь Божию, но никак не на его Сынов и Дочерей. Однако, в ней не было ни капли боязни. Как не было и ничего другого. Взгляд девушки был безмерно пустым, глубоким и невыносимо холодным.

Струйка алой крови текла по её лбу, укрываясь в красных локонах, как лесная речушка, прячущаяся за листвой и ветками. Инквизитор заметил её и, сам того не осознавая, потянулся рукой, машинально желая убрать с этого прекрасного лица следы жестокости и злобы толпы за ней.

– Ведьма! Сжечь её! – вновь крикнул кто-то позади.

Судья опомнился и наотмашь ударил подсудимую по щеке. Она с силой отлетела в сторону, но тут же нашла в себе силы, чтобы встать и посмотреть обидчику в глаза.

Инквизитор подозвал к себе одного из стражников.

– Эту увести в отдельное помещение и не трогать.

Стражник кивнул, жестом подозвал своего сослуживца, и вместе они, взяв под руки девушку, потащили её в сторону замка.

В тот день луна была ярка, как никогда. Как сова, она ловила в ночи любое движение, любой силуэт, подчёркивая его тенью. Даже факелы, которыми освещалась дорога к под-

валам суда святой инквизиции, дрожали сильнее обычного, робко вмешивая свой желтоватый оттенок в свет белого диска в небе.

Стук от металлических подошв инквизитора разносился на сотни метров вокруг. Он шёл размеренно и уверенно, вдумчиво вглядываясь в каждый факел, отмеряя мыслями пройденное расстояние.

«Настанет ли день, когда их не станет больше?».

Души живых дрожали перед инквизитором сегодня, когда он творил суд под открытым небом на главной площади Шербейла. Души мёртвых дрожали сейчас, заключённые в эти огоньки по дороге к подвалам, в которой и закончилась их земная жизнь.

Дверь отворилась с противным и продолжительным скрипом. Это был знак для всех, кому не повезло оказаться за ней. Её не смазывали и не заменяли уже многие годы, и каким бы старым ни был каждый из стражников, стоящих подле неё, он точно вспомнит, что скрипела она ещё тогда, когда он будучи совершенно зелёным начинал службу в военном отряде святой инквизиции.

Судья бесшумно проскользнул вниз, кивнул стражникам и отправился к камере, в которой его ожидала красноволосая гостья. Подойдя к плотно сбитой двери он не спешил входить, а решил понаблюдать за происходящим внутри через потайное отверстие в стене.

Он смотрел на, как ему думалось, ведьму. Но сейчас ви-

дел в ней девушку невиданной красоты. И мысли его в этот момент были далеки от Бога и святого долга. Он понимал это и сам, именно поэтому постоянно озирался и крестился, боясь наблюдения стражников и заранее замаливая свой грех перед всевидящим.

Заключённая сидела в углу. Обхватив руками колени и уложив на них голову, она пыталась сдержать дрожь. Инквизитор посмеялся про себя.

«Наконец страх перед Богом одолел её», – подумал он вслед своей насмешке.

Но это был не страх. Всего лишь холод.

Неожиданно девушка подняла голову, осмотрелась и поднялась. Инквизитор прильнул к стене. Еретичка шла прямо к нему – к глазку, который был скрыт так тщательно, что заметить его из камеры было практически невозможно.

Судья вздрогнул. Девушка смотрела прямо на него. Она шла неторопливо, словно сама наслаждалась каждым своим шагом, каждым напряжением мышц в её ногах, в её покачивающихся бёдрах, в её руках, медленно снявших с себя то подобие одежды, что на ней осталось. Грудь покачивалась в такт шагам, он смотрел на неё, как замороженный и не смел пошевелиться, не смел дышать, он хотел опустить взгляд туда, ниже, где таилось нечто, что сводило с ума миллионы грешников, но неожиданно в коридорах послышался скрип двери.

Инквизитор решил последний раз взглянуть в камеру.

– Что с вами? – она смотрела на него через глазок, – И почему вы прячетесь?

От неожиданности он отстранился от стены и чуть не упал на стражников, которые уже подоспели к нему.

– Истинно порождение дьявола, – проговорил он им, ошарашенный, пристыженный и озадаченный.

– Господин, что с вами?

– Всё в порядке, – инквизитор встряхнулся, выпрямился и строго посмотрел на солдат, – Надеюсь, у вас есть весомый довод для отвлечения меня от дел?

– Прошу прощения, но мы спустились, чтобы сообщить – все еретики, пойманные сегодня на площади, признались в пособничестве дьяволу. Что с ними делать?

– Казнить.

– Да, господин.

– Казнить завтра утром, – добавил он, – Допрос этой ведьмы я проведу сам.

На рассвете небо над Шербейлом затянуло дымом от костров. Ещё до восхода солнца стражники собрали десятки свалов из хвороста и дров, в центре которых были установлены сбитые из брёвен кресты. Площадь была пуста. Никто теперь не наблюдал за агониями тех, кого церковь назвала еретиками. Никто не мешал этим несчастным прощаться со своими жизнями, последний раз смотреть на небо и умирать, отправляясь туда, где, очевидно, их ждал тот самый Созда-

тель, которому теперь предстояло решить судьбу своих созданий.

В этот момент главный инквизитор вновь пришёл к камере, где держали девушку с красными волосами. Он не стал наблюдать за ней через потайное око – сразу отворил дверь и вошёл.

Заключённая лежала на каменном полу, свернувшись на тонком слое давно сгнившей и проеденной мышами соломе. Услышав, что дверь заперлась, она присела.

– Ты боишься?

– Вовсе нет, кого или чего мне бояться?

Чарующий голос пьянил инквизитора. Он вспоминал вчерашнюю ночь, те чувства, что были вызваны видом её несомненно еретического, безбожного и осатанелого тела, но как же оно было прекрасно, как же оно манило, как оно тянуло к себе невидимыми ниточками, липкой сетью, которую она плела, хотя сама попалась в паутину.

– Кого? – он усмехнулся, – Бога. Только дурак не увидит в тебе дьявольское отродье. Кто ты и откуда?

– Не дьявол создал меня такой, а тот самый Бог, о котором ты так часто говоришь. По крайней мере, вероятно, что по его воле я вышла из чрева матери такой, какая я есть.

– Богохульница! Закрой рот! – инквизитор подошёл к ней и с силой ударил по лицу.

– Это Бог приказал вам бить женщину? – она сплюнула кровь и попыталась встать.

Инквизитор расшвырял, схватил девушку за горло двумя руками и начал сжимать его так сильно и так долго, что её лицо побагровело, а руки с силой вцепились в его плечи. Только когда она начала хрипеть инквизитор отпустил её и кинул в солому, затем повернулся спиной и вытер пот со лба.

– Ты глупое и грязное порождение сатаны. Ты не просто недостойна ходить по земле, нет, своим дыханием ты отравляешь и воздух, и людей вокруг себя.

– Если мне не суждено ходить по земле, то это решит Он, а не ты, – слова давались ей с трудом, она держалась за горло и откашливалась.

– Господь уже принял решение.

– И рассказал о нём тебе? Лично? – насколько могла, девушка рассмеялась, – Единственное, что я точно знаю – когда это решение будет исполнено, мы будем смотреть друг на друга, – девушка встала с соломы и медленно подошла к инквизитору.

Судья был зол, разъярён, но не пошевелился. Ему было одновременно интересно и даже радостно, что девушка ведёт себя так дерзко. В его мыслях уже танцевали языки пламени, которые навсегда сотрут с её лица ухмылку и заставят просить о пощаде в объятиях смерти. В его представлениях Бог уже склонил чашу весов в сторону одного из кругов ада.

Он почувствовал её горячее дыхание и аромат лаванды. Затем, сам того не ожидая, протянул руки к её лицу и погладил его. Она ответила ему взаимностью, нежно взяв за руку.

– Фридерик, – произнесла она тихо и нежно.

– Откуда... – он даже не успел закончить вопрос, ошарашенный тем, что кто-то осмелился назвать его имя вслух. Даже стражи и епископы Шербейла не делали этого многие годы, боясь гнева или обиды.

– Разве это важно сейчас? Фридерик, разве это важно?

– Что тебе нужно? – он попытался пошевелиться, но не мог.

Ноги, руки, все его конечности перестали слушаться. Тело превратилось в нечто бесформенное и безвольное. Был только он, она, её аромат, её тепло.

– Фридерик, я хочу, чтобы ты сделал это со мной. Очисти меня от сатаны, наполни меня своей святостью, я хочу этого, я хочу принять Бога.

– Святотатство, я не пойду на поводу у дьявола.

Темнота наполнила всю комнату. Вязкая, тёплая, скользкая и пахнущая лавандой, он уже не мог сопротивляться ей. Инквизитор попытался взглянуть в тьму и увидел грешницу – голую, она лежала на соломе, раздвинув ноги и манила к себе рукой. Её взгляд бродил по его телу и он словно чувствовал, как она касается всех его частей, поглаживая по лицу, груди, животу, опускаясь всё ниже, нежно, медленно, не страшась ни Бога, ни кары, которая по представлению судьи обязательно должна настичь её. Когда девушка опустила взгляд ещё ниже, его прошибло потом, такое он чувствовал впервые.

– Нет! Убери, уйди! – инквизитор попытался переkreститься. Мысленно он сделал это, но неожиданно тьма вновь захлестнула его, а когда зрение вернулось, то обнаружил себя на соломе – обнажённого и незащищённого. Девушка стояла над ним, а затем медленно опустилась и села. Он задрожал, попытался высвободиться, но всё было тщетно, его вновь словно сковали невидимыми цепями, которые не давали пошевелить даже пальцем.

– Сейчас я сделаю это, – прошептала еретичка и опустила руку вниз.

Инквизитор изогнулся и если бы мог, то вскрикнул, но челюсти его, словно сшитые, не могли оторваться друг от друга. Не по своей воле он прикусил губу так сильно, что из неё засочилась кровь. Блаженство разливалось от паха по всему телу, наполняя каждую его клеточку теплом и невероятным ощущением, туманившим разум неискущённого святого мужа.

– Пожалуйста, прекрати, прошу, молю тебя, – сквозь зубы инквизитор пытался докричаться до своей пленницы, которая теперь владела им, как вещью, но выходило только несвязно бормотать.

– Не говори ничего, молчи, вкушай запретный плод, Фридерик.

Он уже и не мог говорить. Язык прилип к нёбу, всё его тело, его разум, весь он стал подконтролен красноволосой бестии, кричащей грязные слова и завладевшей его телом,

до этого не знавшем плоти женщины.

Фридерик зажмурился, попытался поднять руки, оттолкнуть грязную еретичку. Ничего не получалось. Он не мог остановиться. Это чувство, эти ощущения, они утаскивали с собой, как зыбучий песок, не давая ему ни секунды для вдоха, для крика или возможности скинуть дьяволицу с себя. Судья сдавался под натиском тёмных сил, отдаваясь наслаждению.

Инквизитор резко напрягся, мысленно взвыл от сильнейшего позыва к...

Вновь темнота поглотила всё пространство вокруг. Он не видел своего тела, рук и ног, он мог только смотреть – и взгляд его постепенно различал лица. Знакомые, но так тщательно скрываемые его разумом до этого, теперь они с болью возникали в памяти, заполняя черноту пустоты, проявляясь всё чётче, превращаясь в толпу людей вокруг. Их тела были покрыты волдырями, куски изъеденного червями мяса свисали из прогнивших конечностей, он начал чувствовать запах – гарь, опалённые волосы, гниль, фекалии и моча, которыми они опорожнялись на ходу, всё это смешивалось в единую какофонию запахов, отравляя его разум и тело.

Опять темнота унесла его в свою бесконечность и кинула на ту же солому. Девушка стояла перед ним и смеялась. Инквизитор покраснел, задержал дыхание, попытался открыть рот, чтобы дать свободу всему тому, что решило покинуть желудок после увиденного, но не мог. Челюсти вновь сква-

ло, они не раскрывались, они намертво стиснулись и не давали шанса на лёгкое облегчение. Щёки его надулись, судья несколько раз попытался остановить поток, но затем вся масса устремилась через ноздри.

Инквизитор захлёбывался в своей рвоте, пытаясь то вымаркивать её, то глубоко вдыхать, хватая ноздрями столь необходимый воздух.

Он вновь посмотрел на девушку, но на её месте была маленькая девочка, чья мать была сожжена сегодня на рассвете. Она с силой ударила его прямо по яйцам, отчего инквизитор взвыл ещё сильнее.

Который раз тьма утащила его за собой. Вновь толпа. Все они смотрят на него, раскрыв рты и скорчив гримасы, словно громко крича на него. Но крика не было. Не было ни единого звука. Он ненароком стал вслушиваться, но тут завопила женщина из толпы. Все остальные люди молча смотрели на неё. Инквизитор узнал в ней мать девочки. Понаблюдав за ней какое-то время другие медленно повернулись к инквизитору. Вновь наступила тишина. Застыв с открытыми устами и ужасными гримасами боли и молчания они смотрели в его сторону.

«Да что же это, проделки дьявола?» – только и успел подумать инквизитор, как неожиданно на него обрушились крики сотни глоток. Он хотел заткнуть уши, но ему нечем было это сделать, он хотел убежать, но не мог, он попытался закрыть глаза, но их открыли неведомые силы.

Темнота. Запах лаванды.

Он чувствовал что всю его спину колет что-то твёрдое и острое. Он протянул руку под себя.

«Руки! Я чувствую!».

Всё ещё не открывая глаз он нащупал под собой солому. Ненароком он задел чьё-то тело рядом. Голое и липкое.

Сильнейший удар и резкая боль в паху – он открыл глаза и закричал. Ошарашенный, держась одной рукой за отбитое место, а другой протирая лицо, он искал знакомые лица в группе людей, стоявших перед ним.

Удар ему нанёс один из стражников, а затем смачно харкнул прямо в лицо.

– Вставай, еретик!

К нему присоединился епископ местной церкви.

– Долго же вы скрывали свою истинную личину, Фридерик. Как вы могли? Неужели настолько слаба ваша вера, как давно вы порочите имя Бога в этом несчастном городе?

– Я не... Я ничего не делал, ведьма одурманила меня, ведьма! Это она! – он искал её взглядом, повернулся в одну и другую сторону. Только сейчас он заметил, что вокруг него лежат пять, нет, семь или даже больше женщин. Все они были голыми, тела их были переплетены и блестели от пота.

– Что это? Шабаш? Вы освободили всех этих... Всех их! – епископ явно не желал смотреть на представшую перед ним картину и обвёл пальцем смешение тел наугад.

– Меня отравили, одурманили, я не контролировал себя,

свой разум!

– Не контролировали свой разум? Вы сами знаете, что истинный верующий всегда может сказать «нет» даже самым желанным и охотным предложениям сатаны. Вы сами знаете, что нет никаких оправданий тому, что люди отворачиваются от Бога и творят тёмные дела! Вы сами знаете, что с вами будет. А теперь уберите всё это с моих глаз. И объявите, чтобы весь город собрался на площади. Мы проведём ритуал очищения этих жалких душонок.

– Нет! Я прошу! Отправьте письмо Папе! Н-е-е-т! – резкий удар прервал его и лишил сознания. Перед глазами дрожая и искривляясь летали всё те же лица. Лики тех, кого он обвинил и осудил, тех, кого, как ему казалось, он никогда не вспомнит.

Он очнулся от ударов и чего-то скользкого, стекающего по лицу.

Немного придя в себя и дождавшись, пока глаза начнут видеть хотя бы что-то, он поднял голову – огромная толпа заполнила всю площадь. Она бурлила и переливалась всеми красками. Резкий удар вновь вывел его сознание из равновесия, на секунду отправив в тьму, которая убаюкивающе обещала ему, что всё это лишь сон. Но просыпающаяся боль в руках и ногах прогоняла грёзы. Она силилась и распространилась снизу и сверху, захватывая всё тело, каждую его клетку, каждую частицу, что создана была по подобию Божию. С невероятными усилиями инквизитор поднял голову вверх,

а затем посмотрел вниз.

– Нет... – прошептал он, – Не может этого быть, не может.

Его руки были прибиты к перекладине креста, а ноги перебиты в голених и плотно привязаны к основанию. Он даже не замечал, как об него ударяются тухлые овощи и камни, армадой стремившиеся из толпы, как некое продолжение оскорблений и тотального порицания.

«Еретик! Безбожник! Ведьмопоклонник!» – толпа скандировала разные прозвища, но он почти не разбирал слов. Всё его лицо и уши были в запёкшейся крови. Избитый, униженный, всё ещё таящий надежду на то, что всё это лишь дурной сон – он посмотрел вправо.

– Ты! – выкрикнул он, что есть мочи, склонив затем голову от бессилия, – Чёртова шлюха! Ведьма! Тварь!

– Фредерик, что вы позволяете себе, – девушка словно и не испытывала боли, хотя её положение было не менее незавидно, чем у инквизитора. Её не стали прибивать к кресту, а просто привязали.

Инквизитор попытался найти в толпе знакомое лицо.

– Епископ! Почему? Почему вы просто не привязали меня!? – он вопрошал, понимая всю незавидность своего положения.

Епископ молча отвернулся, сделав вид, что не услышал его.

– Чтобы ты не мог соскользнуть вниз и умереть менее мучительно, конечно, – девушка с красными волосами словно

заигрывала с инквизитором, меняя интонации голоса и жеманно наклоняя голову.

– Заткнись. Заткнись! Заткнись! Заткнитесь все! Я не виноват! Я уничтожу вас! Сожгу всех до одного! Бог покарает вас, вы слышите!?! Покарает! Покарает... Бог...

– Смотри мне в глаза, Фредерик. Помнишь?

Он помнил. Помнил ту её фразу отчётливее всего, что слышал в этой жизни: «Когда это решение будет исполнено, мы будем смотреть друг на друга».

– Жители Шербейла! – рёв толпы стих. Выждав ещё несколько секунд, епископ продолжил, – Порой бывает, что мы ошибаемся. Бывает, что мы ошибаемся очень сильно и совершаем грех. Простительны ли грехи?

Разгневанная толпа скандировала: «Нет! Нет! Нет!».

– Так и есть. Наказание за грех – смерть, позор или проклятие. Каков грех – такова и цена за него. И нельзя отвергнуть, что должно свершиться. Даже то, за что нам с вами должно быть стыдно! Мы с вами были слепы! И мы грешны за это. И мы будем расплачиваться. И частью расплаты этой будет наказание и очищение этих еретиков. Мы не видели, что прямо перед нами творил под личиной поборника веры свои дела сам сын сатаны. Так мастерски, так причудливо он плёл свою демоническую паутину, что сам Папа не узрел зла в нём. И это нам урок, урок от Бога, что не всегда нужно ждать помощи от кого-то другого, нужно быть бдительней и беспристрастней. Как к ближним своим, так и к самим себе.

В толпе закивали головами и выкрикнули одобрительные слова.

– Не будем же давать надежду сынам дьявола и поскорее отправим их в чистилище. Не станем более отравлять воздух нашего славного города язвами, что зловонно отравляли его все эти годы. Начнём же обряд очищения.

Епископ кивнул стражникам.

Вдвоём они взяли в руки факелы и пошли каждый к своему костровищу.

– Одумайтесь! Она ведьма! Я служил святой инквизиции! Как вы можете поверить её, а не мне!

Никто не слушал и не слышал его. Толпа ревела, кричала, рвала, бесновалась, на всякий случай восхваляя Бога и прося прощения за столь яркую радость чьей-то грядущей смерти.

Послышался треск сухого хвороста у основания. Он быстро разгорался, подступая к более крупным кускам дерева и к брёвнам.

Инквизитор был не в силах смотреть вниз. Он боялся, ноги и руки его онемели, тело тряслось, из глаз текли слёзы, а штаны его, и так измазанные в грязи, окрасились в жёлто-коричневые оттенки.

– Фредерик, смотри на меня. Просто смотри, я дам тебе успокоение, которое тебе так нужно!

– Ведьма! Я не посмотрю в твои глаза боле!

Пламя разгоралось всё сильнее и уже начинало обжигать волосы на ногах, теле и лице. Неотвратимость грядущего тя-

жело тянула сердце куда-то вниз, сжимая все остальные органы, переворачивая всё внутри с ног на голову.

– Посмотри же!

Инквизитор взглянул. И тут же тьма обступила его. Он вновь вернулся к тем ощущениям, что переживал ночью, захлебнулся в них на несколько секунд, но затем откинул их, отвернулся от ведьмы и тут же его захлестнула жуткая боль в ногах. Он посмотрел вниз – их всю облизывали языки пламени, кожа сначала краснела, затем пузырилась и лопалась, открывая огню свежую плоть, которая тут же начинала шипеть. Всё тело инквизитора прошибло дрожью, судорогами. Мышцы сокращались сами по себе, челюсти сжимались с такой силой что зубы начали ломаться и осколками ранить дёсна.

– Господи! – крик инквизитора смешался с кровью, хлынувшей из его рта, – Прости меня, я согрешил!

– Смотри на меня, – всё повторяла ведьма.

И он вновь посмотрел.

Теплота, лаванда и всепоглощающая нежность окутали его, заглушая ещё не секунду разрывающие всё его тело ощущения.

– Да святится имя Твоё... да придет царствие Твоё, да будет воля Твоя и на земле, и на небе!

Инквизитор вздохнул, сжался и приготовился к адской боли. И она одарила его всеми своими объятиями, давно сожрав всю нижнюю часть тела и обгладывая туловище. Затуп-

хающим взором он заметил, как девушка, превратившись в обугленное нечто, свалилась в костёр.

– Нет... Забери с собой, помоги... – прохрипел он, а затем взвыл последний раз, выдыхая из себя клубы дыма от поджаривающихся внутренностей.

Материалы книги:

– Обложка создана при помощи сервиса <https://www.canva.com/> с использованием бесплатных ассетов, шрифтов и графических материалов, распространяемых по свободной лицензии для коммерческого и некоммерческого использования. Лицензионное соглашение canva: <https://about.canva.com/license-agreements/free-media/>